

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Экономический факультет



В.Л. Тамбовцев

# **Экономическая теория неформальных институтов**

РГ-Пресс  
Москва  
2014

**Тамбовцев В.Л.**

Экономическая теория неформальных институтов. — М.:  
РГ-Пресс, 2014. — 174 с.

ISBN 978-5-9988-0267-6

Монография посвящена комплексному анализу понятия неформальных институтов, методов их исследования, функционирования и изменения. Подробно рассматриваются проблемы эмпирического выявления неформальных институтов, их идентификации и измерения. Обсуждаются соотношения неформальных институтов с такими понятиями, как социальные нормы, социальные практики, ценности, культура. Критически анализируются существующие подходы к исследованию влияния неформальных институтов на экономическую динамику.

Книга предназначена широкому кругу специалистов — экономистам, социологам, психологам, занимающимся вопросами влияния норм на поведение. Отдельные разделы могут также использоваться в учебном процессе по курсам институциональной экономики.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение</b> .....	5
<b>Раздел 1. Методология исследования</b> .....	16
<b>Глава 1. Неформальные институты</b> .....	18
1.1. Варианты определения НФИ .....	18
1.2. Механизмы принуждения правил к исполнению .....	31
1.3. Специализация гаранта как критерий выделения НФИ .....	45
1.4. Разнообразие НФИ .....	57
<b>Глава 2. Смежные понятия</b> .....	63
2.1. Социальные нормы .....	64
2.2. Интернализация норм .....	68
2.3. Ценности .....	73
2.4. Практики .....	84
2.5. Культура .....	86
2.6. Социальный капитал и доверие .....	92
<b>Глава 3. Методы исследования</b> .....	97
3.1. Выявление .....	98
3.2. Идентификация .....	107
3.3. Измерение .....	117
<b>Раздел 2. Жизненный цикл</b> .....	123
<b>Глава 4. Возникновение</b> .....	123
4.1. Проблема возникновения институтов .....	123
4.2. Спонтанное возникновение институтов .....	128
4.3. Добровольная договоренность .....	132
<b>Глава 5. Функционирование</b> .....	137
5.1. Модели поведения в экономической теории .....	138
5.2. Социально-психологические модели поведения .....	140
5.3. Взаимодействие формальных и неформальных институтов ..	154

<b>Глава 6. Изменения</b> .....	160
6.1. Теории институциональных изменений .....	160
6.2. Институциональное предпринимательство, институциональный рынок и неформальные институты .....	163
<b>Заключение</b> .....	172

# РАЗДЕЛ 1

## Методология исследования

Благополучие любого человека зависит от двух больших групп факторов: во-первых, от состояния природной среды, начиная от доступных природных ресурсов и кончая текущей погодой, а во-вторых, от прошлых, текущих и будущих действий других людей, начиная от возникших и сознательно созданных неизвестным и неопределенным множеством индивидов правил поведения и кончая намерениями ближайших родственников и знакомых. Первый фактор благополучия хорошо характеризуется словами, приписываемыми А. Эйнштейну: «Природа коварна, но не злонамеренна». О втором факторе этого сказать нельзя. Поэтому внимание, которое уделялось и уделяется проблемам объяснения и предсказания поведения — как конкретных индивидов в недалеком прошлом и ближайшем будущем, так и различных групп<sup>1</sup> разного размера далеко в истории и в отдаленном будущем, — вполне понятно.

Человеческое поведение, как дискреционное, так и обусловливаемое следованием институтам (в том числе, НФИ), изучается многими науками. Они ставят перед собой разные задачи, используют несовпадающую методологию и технику исследования, опираются на нетождественные базовые модели объекта изучения. Применяемый при этом понятийный аппарат и терминология также, разумеется, существенно различаются, что, с одной стороны, затрудняет междисциплинарные коммуникации, но с другой — в случае преодоления барьеров перевода, — может значительно обогатить взаимодействующие теории новыми подходами и идеями.

Несовпадение понятийно-терминологических рядов в исследованиях НФИ имеет место не только для разных наук, но и для разных

---

<sup>1</sup> Чтобы далее на этом не останавливаться, подчеркнем, что под поведением группы мы имеем в виду *схожее* поведение *каждого* (или большинства) из ее членов. Если внутри группы, выделенной по какому-то признаку, каждый из ее участников ведет себя по-своему, говорить о поведении группы некорректно.

подходов *внутри* одной науки<sup>1</sup>. Важно отметить, что это относится не столько к деталям и частностям, сколько к базовым понятиям, таким как *институт* и *неформальный институт*. Особенно в этом плане «не повезло» последнему: его часто «определяют» – фактически поясняют – простым перечислением понятий, *как-то* связанных по смыслу с НФИ. Так, в часто цитируемом определении институтов Д. Норта неформальные ограничения характеризуются как нормы поведения, конвенции, добровольные кодексы поведения и их механизмы принуждения к исполнению<sup>2</sup>. Аналогично поступают и другие исследователи, например: «Неформальные правила включают культуру, нормы, конвенции и нравы (*mores*), обеспеченные не формальным правом, а общественными обычаями»<sup>3</sup>. Понятно, что такая неопределенность объекта анализа вполне допустима на начальном этапе исследования, однако становится неприемлемой на последующих его стадиях (разумеется, если предшествующие были успешны). Поскольку две приведенные трактовки НФИ разделяет около пятнадцати лет, можно предположить, что за это время продвижения в изучении НФИ (по крайней мере, в рамках экономической теории) были достаточно ограниченными.

Что касается понятия института, то мы принимаем его понимание как некоторого *правила* вместе с *внешним* (по отношению к адресату правила) *механизмом принуждения его к исполнению*, а не как равновесия в той или иной игре<sup>4</sup>.

В этой связи в первой главе мы попытаемся проанализировать разнообразные трактовки НФИ и обосновать собственное их понимание, а во второй – обсудить ряд смежных понятий, используемых преимущественно за рамками экономической науки. Третья глава посвящена методам исследования НФИ.

Как представляется, анализ понятийного аппарата в широкой сфере социальных наук, изучающих НФИ, не только позволит более четко сформулировать авторскую позицию по затрагиваемым вопросам, но и

---

<sup>1</sup> Разумеется, ни одна из используемых трактовок не может оцениваться как «правильная» или «неправильная»: речь может идти только о критике некоторых из них с точки зрения *продуктивности* или *непродуктивности* для развития исследований в соответствующей предметной области.

<sup>2</sup> North D.C. Economic Performance through Time // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 3. P. 359–368. P. 360.

<sup>3</sup> Sobel R.S., Coyne C.J. Cointegrating Institutions: The Time-Series Properties of Country Institutional Measures // *Journal of Law and Economics*. 2011. Vol. 54. Is. 1. P. 111–134. P. 112. Это «определение» особенно интересно тем, что в нем «обеспечение» НФИ связывается с «общественными обычаями», т.е. также с НФИ: логический круг тем самым замыкается.

<sup>4</sup> См. подробнее: Тамбовцев В.Л. Институты-как-равновесия и институты-как-правила // *Журнал экономической теории*. 2013. № 4. С. 111–122.

создаст более надежные основания для *обмена* получаемыми позитивными знаниями между разными направлениями исследований НФИ. Было бы наивным предполагать, что любая, сколь угодно совершенная, система понятий, характеризующая некоторую область научных исследований, именно в силу своего совершенства – полноты, непротиворечивости, логической упорядоченности – способна стать общепринятой среди тех, кто работает в этой области. Выбор ученым понятийного ряда – процесс, на который воздействует много факторов: его образование, круг общения, принадлежность к определенной научной школе и т.п., при этом упомянутые характеристики «совершенной» системы понятий играют далеко не ведущую роль. Однако в рамках *одного* исследования (или серии разработок) полнота, непротиворечивость и логическая упорядоченность используемых понятий приобретают большую важность, поскольку их *отсутствие* делает неубедительными (если не просто ненаучными) его результаты. Именно эта *рабочая* задача и решается в данном разделе.

## Глава 1. Неформальные институты

На сегодня в литературе существует широкое разнообразие трактовок понятия НФИ. Отнюдь не претендуя на сколько-нибудь полный их обзор<sup>1</sup>, остановимся только на некоторых из них, дающих основания для определенной типизации.

### 1.1. Варианты определения НФИ

Начнем с общего разграничения формальное/неформальное, без непосредственной привязки к институтам.

Ч. Липсон, обсуждая международные соглашения, предлагал трактовать неформальность в рамках двух направлений: уровня правительственных организаций, участвующих в их заключении, и формы их существования (совместно принятый и подписанный документ, обмен нотами, устные договоренности, молчаливое соглашение)<sup>2</sup>. С точки зрения Т. Портера, «формальность может быть определена как *степень, с которой отношения стабилизированы, будучи систематизированными и материализованными, например, посредством записи*. Неформальность соответственно может быть определена как степень несистематизи-

<sup>1</sup> Так, на сочетание «неформальные институты» Google выдал 17 700 ссылок, на сочетание «informal institutions» – 214 000 (дата обращения 20.08.2013).

<sup>2</sup> Lipson C. Why Are Some International Agreements Informal? // *International Organization*. 1991. Vol. 45. Is. 4. P. 495–538.

рованности или нематериализованности»<sup>1</sup>. Наиболее развернутую характеристику обсуждаемого разграничения предложил П. Ли, который, основываясь на анализе существующей литературы, выделяет следующие основания для такого разграничения: закодированность, пути формирования, механизмы принуждения, отношения с властью и персонафикация. «Соответственно, неформальность социальных связей и событий означает, что они неявно предполагаются, эндогенно выбраны и гибко поддерживаются горизонтальным давлением партнеров в партикуляристских персонализированных процессах... в то время как формальность явно предписана, навязана извне и жестко принуждается вертикальной силой власти в универсалистских деперсонифицированных процессах»<sup>2</sup>. В рамках этих координат группируются и различные характеристики НФИ, обычно использующие лишь часть из этих пяти критериев.

Как было отмечено в начале этого раздела, Д. Норт – инициатор активного изучения НФИ экономистами – не привел в своих публикациях их четкого определения, ограничившись перечислением ряда примеров: «Институты – это выработанные людьми ограничения, структурирующие политические, экономические и социальные взаимодействия. Они состоят как из неформальных ограничений (санкций, табу, обычаев, традиций и кодексов поведения), так из формальных правил (конституций, законов, прав собственности)»<sup>3</sup>.

Этим же «перечислительным» путем идут и многие другие авторы, анализирующие проблематику НФИ, например, Л. Стер и К. Сен, определяя НФИ как «неписанные правила, социальные нормы, сети»<sup>4</sup>, Р. Собел и К. Койн («Неформальные правила включают культуру, нормы, конвенции и нравы (*morcs*), обеспеченные не формальным правом, а общественными обычаями»<sup>5</sup>), С. Пейович («Неформальные правила – это традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные верования и все

---

<sup>1</sup> Porter T. *Sources of Informality in Global Governance*. Paper presented at the International Studies Association Annual Meeting. – New Orleans, 2010. P. 4.

<sup>2</sup> Li P.P. Social tie, social capital, and social behavior: Toward an integrative model of informal exchange // *Asia Pacific Journal of Management*. 2007. Vol. 24. P. 227–246. P. 229.

<sup>3</sup> North D.C. Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. No. 1. P. 97–112. P. 97. В следующем разделе мы приведем его позицию, уточненную в ходе переписки с Дж. Ходжсоном.

<sup>4</sup> Steer L. and Sen K. Formal and Informal Institutions in a Transition Economy: The Case of Vietnam // *World Development*. 2010. Vol. 38. No. 11. P. 1603–1615. P. 1603.

<sup>5</sup> Sobel R.S., Coyne C.J. Cointegrating Institutions: The Time-Series Properties of Country Institutional Measures // *Journal of Law and Economics*. 2011. Vol. 54. Is. 1. P. 111–134. P. 112.



другие нормы поведения, прошедшие проверку временем»<sup>1</sup>), К. Доблер («Неформальные институты определяются как ценности, моральные системы, конвенции, нормы, привычки, традиции, кодексы поведения, установки и убеждения»<sup>2</sup>) и др.

Исследователи, не ограничивающиеся такими пояснениями, указывают обычно несколько критериев, позволяющих отличить НФИ от формальных институтов.

Так, ряд исследователей считают, что НФИ отличаются от формальных тем, что последние установлены сверху, государством, в то время как первые развиваются изнутри самих сообществ<sup>3</sup>.

Многие авторы подчеркивают такую – определяющую, как они полагают, – черту НФИ, как их «неписаность»<sup>4</sup>. Эту позицию справедливо оспаривают А. Лефтович и К. Сен: «Например, китайская империя – ее власть, права министерств, обязанности и легитимность императора – как минимум тысячелетие скреплялась почти полностью неформальными институтами (неписаными правилами), хотя отношения между центром (императором) и местностями (возглавлявшимися «большими людьми», полководцами) были формализованы писаными соглашениями. Есть ли смысл полагать, что стабильность Китайской империи была обусловлена неформальностью?»<sup>5</sup>

К. Мантзавинос, не давая четких определений, связывает разграничение формальных институтов и НФИ с характеристиками их МППИ, полагая, что для первых в этой роли выступает государство, а для вто-

---

<sup>1</sup> Pejovich S. Toward a theory of the effects of the interaction of formal and informal institutions on social stability and economic development. Prepared for The Conference on Formal Institutions and Informal Arrangements in Transformation Societies. University of Potsdam, Germany. October 7–9, 1998. Freiburg discussion papers on constitutional economics, No. 98/2. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/10419/48492>

<sup>2</sup> Dobler C. *The Impact of Institutions, Culture, and Religion on Per Capita Income*. University of Hohenheim. Stuttgart. Nr. 28. 2009. P. 3.

<sup>3</sup> См., например: Ostrom E. *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Pretty J. and Ward H. Social Capital and the Environment // *World Development*. 2001. Vol. 29. Is. 1. P. 209–227.

<sup>4</sup> Knight J. *Institutions and Social Conflict*. – New York: Cambridge University Press, 1992. P. 54; Keman H. Approaches to the analysis of institutions. – In: Steunenberg B. & van Vught F. (eds.) *Political institutions and public policy*. – Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 1–27; Панеях Э.Л. Формальные правила и неформальные институты, их применение в российской экономической практике // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 4. С. 56–69.

<sup>5</sup> Leftwich A. and Sen K. «Don't mourn; organize»: Institutions and organizations in the politics and economics of growth and poverty-reduction // *Journal of International Development*. 2011. Vol. 23. P. 319–337. P. 321–322.

рых – «социальные силы, т.е. индивиды определенной группы»<sup>1</sup>. По мнению Дж. Найта, «неформальные институты суть правила, которые не принуждаются к исполнению третьей стороной, но либо самоисполняются, либо принуждаются к исполнению неформально. Они включают конвенции, обычные практики, нормы, правила, следующие из культуры, религии и т.д.»<sup>2</sup>.

Двойной критерий для выделения НФИ использует К. Уильямсон: «Неформальные ограничения варьируют от установок, убеждений, обычаев, норм и традиций, руководящих повседневным поведением индивидов, до частных судебных систем. Ключевое различие между формальными и неформальными институтами состоит в том, что неформальные правила возникают спонтанно и не являются частью юридической системы, установленной государством»<sup>3</sup>. С. Пейович также указывает на два признака, отделяющие формальные институты от НФИ, – спонтанность возникновения и особенности санкций: «Неформальные правила включают традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные верования и все другие нормы поведения, которые возникли спонтанно через повторяющиеся человеческие взаимодействия и прошли проверку временем. Неформальные правила принуждаются к исполнению санкциями, которые включают изгнание из сообщества, ostracism друзей и соседей или потерю репутации»<sup>4</sup>.

Схожие критерии называет и А.М. Либман: «Неформальные институты выступают продуктом спонтанной эволюции общества или свободного выбора институциональных норм участниками сделки. Зачастую они основаны на религиозных, идеологических и эмоциональных факторах... и обеспечиваются внутренними установками человека или неорганизованным контролем со стороны общества...»<sup>5</sup>

А. Чиоклеа, используя другую терминологию, полагает, что «*внутренние* [институты] – это правила, развившиеся внутри группы как результат прошлого опыта, а *внешние* – спроектированные и вмененные

<sup>1</sup> Mantzavinos C. Institutions. Chap.19. – In: Jarvie I.C., Zamora-Bonilla J. (Eds.) *SAGE Handbook of the Philosophy of Social Sciences*. – London: SAGE Publications Ltd., 2011. P. 399–412. P. 404.

<sup>2</sup> Knight J. *Institutions and Social Conflict*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 171.

<sup>3</sup> Williamson C.R. Contracting Institutions. Mississippi State University. December 18, 2012. URL: [http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=2191298](http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2191298). P. 4.

<sup>4</sup> Pejovich S. Introduction. – In: Pejovich S. (ed.) *The Economics of Property Rights: Cultural, Historical, Legal, and Philosophical Issues*. Vol. 1. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001. P. 4.

<sup>5</sup> Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (Влияние неформальных институтов) // *Общественные науки и современность*. 2006. № 6. С. 53–64. С. 54.

обществу посредством политических решений»<sup>1</sup>, связывая тем самым их разделение с механизмами возникновения. Вместе с тем, она учитывает и особенности МППИ этих групп институтов. «Внутренние институты можно классифицировать по тому, как отслеживается/наказывается согласие/несогласие с ними:

- *конвенции* – правила, дающие ясные и непосредственные выгоды тем, кто следует им, и также влияющие на их собственные интересы, если они не следуют им;
- *интернализированные правила* – правила, которым индивиды обучаются из обычаев, образования и опыта, спонтанно и рефлексивно следуя им, имея дело со своей сознательностью, если нарушают их;
- *привычки и манеры* – их нарушения неформально наказываются сообществом, например, путем исключения;
- *формализованные внутренние правила* – правила, которые развились из опыта, но в настоящее время формально отслеживаются через механизмы, установленные группой/сообществом»<sup>2</sup>.

Таким образом, здесь также налицо два критерия: механизмы происхождения и МППИ.

Те же два критерия указаны и в одной из наиболее часто цитируемых в связи с НФИ (после работ Д. Норта) статье Г. Хелмке и С. Левицки, где НФИ определяются как «*социально разделяемые правила, обычно неписанные, которые создаются, передаются и принуждаются к исполнению вне официально санкционированных каналов. Напротив, формальные институты суть правила и процедуры, которые создаются, передаются и принуждаются к исполнению по каналам, широко воспринимаемым как официальные*»<sup>3</sup>.

Заметим, что в этом определении НФИ, на которое ссылаются многие исследователи, немаловажную роль играет такая их характеристика, как *социальное разделение* (social sharing) этих правил, или их *коллективное принятие* (collective acceptance). Эти понятия могут иметь две альтернативные трактовки, которые можно условно назвать «холистической» и «индивидуалистической».

В качестве примера первой рассмотрим позицию Э. Лорини и др., которые, следуя Р. Туомеле<sup>4</sup>, рассматривают *коллективное принятие* институционального контекста как *установку*, которой придерживается

<sup>1</sup> Cioclea A.E. An Overview on Institutionalism and Decentralized Decision-Making. 2011. P.3. URL: <http://ssrn.com/abstract=1751764>

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Helmke G. and Levitsky S. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // *Perspectives on Politics*. 2004. Vol. 2. No. 4. P. 725–740. P. 727.

<sup>4</sup> Tuomela R. Group beliefs // *Synthese*. 1992. Vol. 91. P. 285–318.

множество агентов в качестве членов одного и того же института, заключающуюся в том, что они «функционируют вместе как члены института X<sup>1</sup>. Например, в контексте института Гринпис агенты (коллективно) принимают, что их миссия – это защита Земли *в качестве (qua)* членов Гринписа»<sup>2</sup>. Коллективное принятие чего-либо, с их точки зрения, отличается от индивидуального убеждения и индивидуального принятия. «Индивидуальное убеждение (belief) и индивидуальное принятие оба суть частные ментальные установки, однако индивидуальное убеждение не зависит от контекста, в то время как индивидуальное принятие – это контекстно-зависимая установка, которая принята (is entertained) агентом в качестве члена данного института»<sup>3</sup>. Это разграничение они иллюстрируют примером из статьи Р. Туомелы: «В конце 80-х гг. Коммунистическая партия Руритании приняла, что капиталистические страны вскоре погибнут (но ни один из ее членов в действительности не был в этом убежден)»<sup>4</sup>. С точки зрения Э. Лорини и др., это означает, что агенты как члены института принимают, что капиталистические страны погибнут, но как частные лица, вне организационного контекста, не принимают этого.

С нашей точки зрения, приведенные сложные логические построения для характеристики понятия коллективного принятия (или социального разделения) тех или иных ментальных феноменов в значительной степени являются переусложненным воспроизведением понятия *двоемыслия*, введенного писателем Дж. Оруэллом в романе «1984», когда принадлежность индивида к группе (или определенному обществу) обуславливает его поведение, отличное от того, которое он демонстрировал бы, если бы не был ее членом. При этом данная принадлежность приносит индивиду уровень благосостояния, превышающий тот, которым он располагал бы, не будучи включенным в группу. Такое понимание термина «коллективное принятие» (и «коллективные убеждения») имеет смысл, поскольку базируется на понятии субъективной нормы как убеждений индивида в том, что остальные члены группы (коллектива) *ожидают* от него, что он будет вести себя определенным образом.

Для правильного понимания подобных ситуаций необходимо иметь в виду, что в них обязательно имеется индивид или подгруппа, для которой само существование группы «двоемыслящих» индивидов обуславливает его (или их) *максимально возможный* уровень благосостоя-

---

<sup>1</sup> Здесь институты понимаются социологически, в том числе как *организации*.

<sup>2</sup> Lorini E., Longin D., Gaudou B., Herzig A. The logic of acceptance: grounding institutions on agents' attitudes // *Journal of Logic and Computation*. 2009. Vol. 19. No. 6. P. 901–940. P. 906.

<sup>3</sup> Op. cit., p. 916.

<sup>4</sup> Tuomela R. 1992. Op. cit., p. 285.

ния при данных ресурсных ограничениях, включая его (их) потенциал насилия. Это означает, что если бы властвующая подгруппа попыталась обеспечить себе тот же уровень благосостояния любым *иным* способом, кроме формирования двоемыслящего сообщества, попытка не увенчалась бы успехом. «Коллективное убеждение» выступает в подобных случаях в качестве средства контроля поведения членов группы, обеспечивая возможность легитимного принуждения (наказания) тех, кто выказывает признаки неповиновения правителю. Соответственно, *генерация* двоемыслия, т.е. «вбрасывание» в группу какой-то неправдоподобной идеи, введение обременительной нормы и т.п., может выступать в роли *фильтра*, разграничивающего «своих» и «чужих». Первые ради участия в группе готовы (хотя бы внешне) изменить свои убеждения, представления и ожидания, вторые — не готовы и (если это возможно) покидают группу, в то время как оставшиеся «сплачиваются» вокруг лидера. Тем самым, принятие первыми холистического «коллективного убеждения» *сигнализирует* лидеру группы о готовности соответствующих ее членов следовать далее установлениям лидера<sup>1</sup>.

Вторая, индивидуалистическая, трактовка коллективного принятия заключается в том, что не один, а *несколько* индивидов, вовсе не обязательно состоящих членами одной организации, принимают (независимо друг от друга), что некоторой норме имеет смысл следовать, некоторые утверждения верны, определенные феномены следует оценивать как позитивные (негативные) и т.п. Тем самым, коллективность принятия правила (нормы, убеждения, ценности и т.п.) не означает и не предполагает наличия между «членами коллектива» каких-либо организованных взаимодействий.

Из текста статьи Г. Хелмке и С. Левицки трудно однозначно понять, в каком именно смысле они говорят о социальном разделении правил, входящих в НФИ. Во всяком случае, если опираться на их концепцию, не следует упускать из вида обсужденные выше проблемы.

Вернемся, однако, к различным определениям НФИ. В. Каспер и М. Штрайт разграничивают деление институтов на внешние/внутренние, с одной стороны, и формальные/неформальные — с другой. Внешние проектируются и вводятся сверху, внутренние же развиваются постепенно, через взаимодействия индивидов. Формальные институты принуждают к исполнению специально организованными механизмами, в то время как НФИ — децентрализованно, на основе социальной обратной связи. Хотя эти градации не всегда совпадают, отмечают авторы, внешние институты обычно опираются на централизованные

---

<sup>1</sup> Bernheim D. B. A theory of conformity // *Journal of Political Economy*. 1994. Vol. 102. No. 5. P. 841–877.

МППИ, а внутренние – на децентрализованные<sup>1</sup>. М.И. Одинцова также опирается на два критерия: «Неформальные правила не закрепляются ни в одном официальном источнике, их исполнение гарантируется не угрозой законодательных санкций, как в случае с правилами формальными, а контролем всех членов общества. Поэтому в первобытных обществах, не знавших государства, поведение людей регулировалось правилами неформальными»<sup>2</sup>.

Неясности с подобными многокритериальными определениями различных феноменов связаны с тем, что их авторы обычно не анализируют ситуации, в которых некоторый объект или процесс соответствует только *части* предложенных критериев. Так, например, Е.В. Попов утверждает: «Формальные институты основываются на нормах взаимодействий, которые опубликованы и признаны в обществе»<sup>3</sup>. А каким является институт, если норма *опубликована*, но отнюдь *не признана* в обществе, а наоборот, вызывает массовые протесты? Ответа нет, поскольку «неформальные институты – это правила взаимных отношений, порожденные практическими действиями людей»<sup>4</sup>, т.е. в их определении не упоминается ни один их признаков, характеризовавших формальные институты. Аналогично, с точки зрения П.В. Панова, формальные институты в отличие от неформальных: 1) устанавливаются полномочными субъектами; 2) фиксируются в письменной форме; 3) предполагают наличие санкций за их несоблюдение (обязательность исполнения)<sup>5</sup>. Что будет собой представлять установленный полномочными субъектами и опубликованный нормативный документ, в котором нет каких-либо санкций за его неисполнение? А такое встречается, например, среди отечественных нормативных актов...

А. Шлютер и И. Теесфельд<sup>6</sup> подошли к строгому определению НФИ с позиций «грамматики институтов» С. Кроуфорд и Э. Остром, интуитивно трактуя НФИ как институты, защита которых от нарушений имеет *неюридический* характер. Для правильного понимания их подхода нужно напомнить, что важным элементом упомянутой грамматики яв-

---

<sup>1</sup> Kasper W. and Streit M.E. *Institutional Economics: Social Order and Public Policy*. – Cheltenham: Edward Elgar, 1998. P. 31, 100.

<sup>2</sup> Одинцова М.И. Институциональная экономика. – М.: Издательский дом ГУ-ВЭ, 2009. С. 32.

<sup>3</sup> Popov E.V. Institutional Atlas // *Atlantic Economic Journal*. 2011. Vol. 39. P. 445–446. P. 446.

<sup>4</sup> Ibid.

<sup>5</sup> Панов П.В. *Теории политических институтов*. – Пермь: Пушка, 2004. С. 141.

<sup>6</sup> Schlüter A. and Theesfeld I. The grammar of institutions: The challenge of distinguishing between strategies, norms, and rules // *Rationality and Society*. 2010. Vol. 22. No. 4. P. 445–475.

ляется связка «или иначе» (*or else*), обозначающая применение *внешних* санкций в случае, если индивид не следует содержанию института. Проблема, с которой столкнулись авторы, состоит в том, что они нашли затруднительным использовать эту связку как критерий разграничения норм и правил (напомним, что у Кроуфорд–Остром правила – это то, что другие называют институтами, а нормы – конструкции, в которых отсутствует «или иначе», поскольку им следуют по внутреннему убеждению), «особенно если мы применим грамматику к институциональным структурам, включающим многие неформальные институты. Если мы понимаем *или иначе* не как юридическое условие, вводящее правовое наказание, то многие институты должны быть переформулированы, чтобы с ними ассоциировалось *или иначе*. Ограничение *или иначе* его юридическим значением будет противоречить основополагающим положениям грамматики [институтов], которая пытается освободиться от ложной мудрости, утверждающей, что важны только формальные институты»<sup>1</sup>. Обсуждение этой проблемы авторы завершают вопросом: «Как можно определить, что собой представляет «действительное» *или иначе*, если мы не хотим использовать критерий юридического наказания?»<sup>2</sup>

С нашей точки зрения, это вполне можно сделать, если последовательно разграничить внутренние и внешние санкции: внутренние *иногда* сопровождают внешние (если институт интериоризован), но если есть *только* внутренние санкции – мы имеем дело не с институтом, а с *привычкой*.

Другие последователи подхода Э. Остром, С. Сиддики и др., трактуют НФИ как «правила, нормы и стратегии, конституирующие социальные привычки, обычаи и повседневные практики внутри групп людей в течение продолжительных периодов времени»<sup>3</sup>. Сравнивая НФИ с формальными институтами, они приходят к выводу, что «основные различия между ними состоят в том, что (1) формальные институты должны быть записаны, в то время как неформальные могут как иметь, так и не иметь письменной формы; и (2) неформальные институты в сравнении с формальными являются более непосредственно ближайшими к реальному поведению и его результатам»<sup>4</sup>. обстоятельный анализ проблем определения НФИ с позиций институты-как-правила и институты-

<sup>1</sup> Op. cit., p. 456.

<sup>2</sup> Ibid.

<sup>3</sup> Siddiki S., Basurto X. and Weible C. *Comparing Formal and Informal Institutions with the Institutional Grammar Tool*. Paper presented at the 2010 North American Regional Meeting of the International Society of the Study of the Commons. Arizona State University. Tempe, Arizona. Sept. 30 – Oct. 2, 2010. P. 2.

<sup>4</sup> Op. cit., p. 4.

как-равновесия представлен Дж. Азари и Дж. Смит<sup>1</sup>. Принимая определение НФИ, предложенное Хелмке–Левицки, и продемонстрировав его преимущества перед возможными альтернативами, опирающимися на «равновесную» трактовку институтов, авторы выделяют, однако, один проблематичный момент разделяемого ими понимания: «Определение, которое включает ожидания и принуждение к исполнению, порождает вопрос о том, как эти вещи могут наблюдаться на практике. Прямые свидетельства ожиданий, выдвигаемые на передний план некоторыми исследователями, могут быть ненадежными или трудно получаемыми. Альтернативная стратегия, фокусирующаяся на принуждении к исполнению, оставляет вопрос о том, как получить нужные данные, если не наблюдаются нарушения. Третья опция, опирающаяся на поведенческие свидетельства, находится в видимом противоречии с нашим требованием в определении, что неформально институционализированное поведение отражает по крайней мере полусознательное согласие с правилами»<sup>2</sup>. Заметим, что, говоря об исследователях, подчеркивающих важность *ожиданий*, авторы имеют в виду Д. Роде<sup>3</sup>. С нашей точки зрения, авторы совершенно правы, подчеркивая *невозможность* наблюдения ожиданий, в то время как их сомнения относительно наблюдаемости наказаний и поощрений, через которые проявляется наличие механизмов принуждения к исполнению, преувеличены<sup>4</sup>. Поэтому, как представляется, определение НФИ целесообразно связывать именно с характеристиками МППИ (см. далее).

Для полноты характеристики вариантов трактовки НФИ нужно упомянуть также несколько «нестандартных», не укладывающихся в выделенные выше группы. Так, Г. Табеллини, трактуя институты широко, включая в них системы убеждений и норм, фактически отождествляет НФИ с культурой<sup>5</sup>. Своеобразная точка зрения была сформулирована Дж. Стиглицем, который фактически отождествил НФИ с социальным капиталом, а последний – с нерыночными «институтами», такими как доверие, репутация, сетевые структуры<sup>6</sup>. Особняком стоит

---

<sup>1</sup> Azari J.R. and Smith J.K. Unwritten Rules: Informal Institutions in Established Democracies // *Perspectives on Politics*. 2012. Vol. 10. No. 1. P. 37–55.

<sup>2</sup> Op. cit., p. 41.

<sup>3</sup> Rohde D.W. Studying Congressional Norms: Concepts and Evidence // *Congress and the Presidency*. 1988. Vol. 15. No. 2. P. 139–145.

<sup>4</sup> См. главу 5.

<sup>5</sup> Tabellini G. *Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe*. CESIFO Working Paper No. 1492. 2005.

<sup>6</sup> Stiglitz J. Formal and Informal Institutions. – In: Dasgupta P. and Stiglitz J. (Eds.) *Social Capital: A Multifaceted Perspective*. – Washington, D.C.: The World Bank, 2000. P. 59–68.



также трактовка НФИ, предложенная О. Будзински: «Неформальные институты... тесно связаны с когнитивными правилами, или внутренними правилами мышления, обучения и принятия решений»<sup>1</sup>. М. Гёбель и Т. Томас приравнивают НФИ к разделяемым ментальным моделям<sup>2</sup>, П. Якила<sup>3</sup> относит к НФИ социальные предпочтения (и нормы честности).

Нельзя отнести к стандартным и подход Э. Аксяя и др., которые полагают, что «биология предоставляет много примеров, где взаимодействия могут быть осмыслены как неформальные институты, что означает в данном случае, что они суть эволюционирующие нормы и структуры взаимодействия, дающие возможность сторонам достигать взаимовыгодных результатов. Эти неформальные институты укоренены в естественную историю взаимодействий, в такие факторы, как где и когда стороны взаимодействуют, как долго и как плотно они располагаются вместе и т.д.»<sup>4</sup>. При этом они полагают, что первый вопрос, который следует поставить относительно таких институтов, состоит в том, *какой цели они служат*. С нашей точки зрения, в животных сообществах находятся зачатки многих человеческих форм поведения, в том числе и институтов<sup>5</sup>, поэтому возможность *описать* взаимодействия животных как если бы они были организованы (неформальными) институтами совершенно очевидна. Смущает в этих положениях другое – упомянутый «первый вопрос». Ведь такой вопрос имеет смысл, если речь идет о *сознательно спроектированных* институтах, в противном случае можно говорить только о *последствиях*, о которых в период возникновения института просто никто не задумывался. Авторы же, судя по цитированной работе, пытаются объяснить упорядоченные взаимодействия *функционально*, привнося тем самым в природные процессы отсутствующие в них

<sup>1</sup> Budzinski O. *Cognitive Rules and Institutions – on the Interrelations of Interpersonal and Intrapersonal Rules*. University Hannover Discussion Paper No. 241. 2001 (цит. по: Libman A. Institutional Competition and Evolution of Perception of Norms. Paper prepared for the EAEPE Annual Conference «A New Deal for the New Economy? Global and Local Developments, and New Institutional Arrangements». – Bremen, Germany. November 10-12, 2005. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/EAEPE.pdf>. P. 5).

<sup>2</sup> Göbel M. and Thomas T. Informal Institutions: Political Action and the Social and Historical Contextualization of the «homo oeconomicus» // *Hamburg Review of Social Sciences*. 2006. Vol. 1. Is. 3. P. 273–294. P. 279.

<sup>3</sup> Jakiela P. Social Preferences and Fairness Norms as Informal Institutions: Experimental Evidence // *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 3. P. 509–513.

<sup>4</sup> Akçay E., Roughgarden J., Fearon J., Ferejohn J., Weingast B. *Biological Institutions: The Political Science of Animal Cooperation*. Mimeo. April 1, 2010. URL: <http://www.stanford.edu/group/polisci/faculty/weingast/BiologicalInstitutionsandthePoliticalScienceofAnimalSociality2ndDraft100126.pdf>

<sup>5</sup> См. подробнее главу 6, посвященную проблеме происхождения институтов.